

АРТЕМ МЕДИЧИ

УТРАНТСКИЙ ЦИКЛ

КОЛЬЦО
С РАСКОЛОТЫМ
КАМНЕМ

12+

Артём Геннадьевич Медичи

Кольцо с расколотым камнем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48404775

SelfPub; 2019

Аннотация

Возможно ли стать совершенством, будучи наделенным сонмом пороков, каждый из которых – сам по себе целая поэма? Возможно приблизиться к идеалу в мире, что, мягко говоря, не блещет добродетелью и честью? О, яхонтовые господа... все возможно в мире, где в почете флейты, не издающие звука, пальмы в кадках летают сами по себе, а в кощеевом яйце таится самая коварная и заносчивая из всех иголок на свете!

Говорят, когда паук кладет передние лапки на паутину, чуткое ухо способно уловить тончайший звон невесомой струны. Еще говорят, что, выплетая серебряный круг, восьминогий ткач подобен оркестру... увы, немногие услышат аккорд, и еще меньше тех, кто поймет суть мелодии, свяжет воедино узор нитей и узор звуков... говорят, когда прерывается нить и паук замирает, и трель замирает, и только отзвук, тончайшее эхо: все, все кончилось...

Вот так тихо было в Загроште в то памятное утро.

Последний звук оборвал реальность, как истлевшую бумагу. Сжег мир, бросил под ноги обгорелым комком. Дряблые пальцы старика копошились в воздухе: хотели ухватить хоть толику чего-то настоящего. Ноги не держали старосту, плясали отходняк с вывертами: хэй, шапошник, много ль наворовал?

Староста знал: отвечать придется.

Прямо сейчас.

Ангелы мести, подумал пролен Снаух. Мысль горчайшим капустным соком хлынула откуда-то из-под желудка, охватила голову огненными листьями. Кочерыжка в огне... Не надо было вчера столько... Вот, вот они – смотрят. Почему – смотрят? Что надо? Деньги? Идите. Все в доме. Идите, берите все. Жену? сына? Меня? Меня – на кол, на виселицу, под топор? – пусть. Не надо – смотреть. Не надо – так...

Больно было пролену Снауху.

Белое, выгоревшее солнце вставало над деревней. Скупю

мазало лица: пролен Снаух, староста. Гретта Тьюс, молочница, мать шестерых детей. Свайт Маах, забулдыга высочайшего разлива, косарь за пятерых, глотка – на всю Загрошту хватит. Хент Вас Дерран, кузнец и скобарь, всего помаленьку, руки небесами целованы. Гес Форра, пекарь. Свистун, его подмастерье...

Они стояли и смотрели – на него, точнее, вглубь него.

Неправильно, хлынуло холодом из груди Снауха. Неправильно, все неправильно. Не могут они, жалкие твари, замедяшники, так – говорить. Так – смотреть. Нельзя, невозможно, не...

И медленно гасли блики солнца – первые перья облаков рванулись ввысь – на лице Крюка Воста, по долгу службы зашвырнутого в забытую богами дыру. Плясали губы деревенского знахаря – в такт коленям старосты. И было непонятно: откуда взялось это, и почему его столько, и какого Пятого Загрошта все еще существует в этом кошмарном вихре энергий, и сколько мгновений еще отпущено – кому? Ему, Восту? Загроште? Стране?

Миру?

Ледяная тень прочертила деревню – разрежала пополам.

Солнце скрылось: больше не было ничего интересного.

Вост сделал шаг назад. Споткнулся о камень.

Повернулся и стремглав кинулся прочь.

Стоял густой, сладкий, жаркий, как кремовый торт, лет-

ний вечер. Воздух сгустился настолько, что редким прохожим, рискнувшим выбраться из прохладных каменных (и не столь прохладных деревянных) норок, приходилось чуть ли не руками загребать это липкое великолепие, продираясь сквозь сумрачное марево. На углу аллеи Темного Пряника унылый лоточник с тоской взирал на опустевшую тележку: весь доход за сегодняшний день утонул в этом проклятом лимонаде, который, хочешь, не хочешь, а пьешь: жара, озерника ей под хвост... Идти домой старому Куцеку не хотелось совершенно: громоздкая тележка, изделие мастерской «Черный Серп», явно клепалось хвостом Пятого: ручки отвалились на второй день, через неделю кобылка захромала на левое переднее колесо, а сейчас, того гляди, на части развалится. И вот эту рухлядь придется тащить до самого дома – а путь-то неблизкий, а дорога в горку, это с утра хорошо, да и то в оба глаза следить надо: неровен час, камень под колесо – лети, драгоценный лимонад, на обочину!

Не-ет, нет уж. Домой? Конечно, домой, только не сейчас. По такой духоте, с тележкой, с больным сердцем... Нет, пусть жара схлынет. Оно, конечно, к вечеру и «москит» запрыгает по подворотням – но кому нужен бедный старик... способный весьма недурно погладить по затылку верной тростью? Хорошая трость, весомая. Значительная, как сказал бы старый Метц, окажись он здесь в эту пору – но куда ему, наверняка надирается «репейником» у Ганса Орешка. Пусть его. Главное – трость при себе, тележка подмышкой, ворон

не считать, за подозрительными тенями следить вполглаза... вот, кстати, и первый.

Означенная тень скользнула в проулок Пяти Желудков, чем удивила Куцека до чрезвычайности. Проулок вел на площадь Хитта, куда, в общем-то, мелкой (да и крупной) шушере вход был заказан. А в том, что незнакомец – шушера, Куцек был уверен. Кто еще станет носить по такой жарнице мышастый плащ с капюшоном, отороченным тонкой полоской меха? Разве что сумасшедший. Но у безумцев – старик знал это наверняка – не бывает глаз, сияющих в мареве сумрака, как праздничные сполохи. Ох, задумал что-то негодяй...

– Быть беде, – крикнул вслух Куцек, ожесточенно роясь за пазухой. – Быть беде, – задумчиво повторил он, извлекая на свет бутылочку с синеватой жидкостью. Вытащил пробку, понюхал, покачал головой... и запустил в одинокую курицу, невесть как оказавшуюся на окраине рынка.

– Беда будет, – в третий раз сказал старик, берясь за тележку и покрепче охватывая окованную бронзой трость. – А и демоны с ним. Главное – до дома добраться.

И совсем уже смеркалось, когда тень в плаще и капюшоне, изрядно задержавшись в невзрачной лавчонке без вывески, оказалась под дверью Зеленой Башни, благополучно миновав два кордона стражи и введя в состояние каталепсии систему охранных рун в центральной арке.

– Хм-м, – тихонько пробурчала тень. – Ну, и что мне по-

пробовать на этот раз? «Черная агава»? Быстро и скучно, не то. «Кречетка» тут все поломает, он мне потом шею свернет. Аккуратнее надо. Гм... а если...

Незнакомец сунул руку под капюшон и осторожно вытянул из-за уха крошечную флейту. Повертел ее в руках, приладил к губам, перебрал пальцами по соплам – будто птица крылом взмахнула... Флейта не издала ни звука, напротив: вокруг стало как будто еще тише, но незнакомец с крайне довольным видом ухмыльнулся в усы.

– Спасибо, братец Леклер, – прошептал он. – Умеешь ты возвращать долги... умеешь!

Рука в перчатке взялась за массивную рукоять, изображавшую пантерлога в прыжке, дверь мягко и беззвучно отворилась... и мимо правого уха незнакомца – едва не задев ткань капюшона – пронесся громадный горшок с лефразийской пальмой.

Подступившая ночь взорвалась грохотом и лязгом. Обезумевшие, рванулись из-под стрех присмирившие голуби, вороны и воробьи. Волна собачьего лая накатила на Утрант. В окрестных домах заревели дети. Вдалеке послышалась ругань: доблестная стража Зеленой башни спешила, как говорится, видеть.

Незнакомец, засыпанный землей по пояс, поднял голову. Рядом с ним свалился последний уцелевший на пальме кокос. Капюшон с мягким шелестом сполз с головы, и миру явилась сначала широченная улыбка, а затем все остальное.

– Привет, Дзендар, – радостно сказал Феликс. – А зачем ты пальмами бросаешься?

Если до этого воздух был всего лишь спертым, то сейчас он сгустился до уровня ископаемой смолы. Сыну самого известного в Утранте вора даже показалось, будто во мгле проскакивают мелкие искры.

– Дзе, – укоризненно произнес Феликс. – Я к тебе в гости, а ты пальмами... Убери своих церберов и пригласи меня на чашечку кофе. Ну? Хочешь, я тебе сказку на ночь расскажу? Сверху раздалось рычание.

– Хорошую такую сказку, – продолжал задумчиво Феликс, не обращая внимания на приближавшийся шум и ругань. – Об одной славной, очень знакомой деревеньке, где сегодня по странной причине взбунтовалось несколько человек, а реальность едва не вывернулась в три изнанки кряду... Об удивительных вещах, которые случаются с зажавшимися сволочами, коим, впрочем, ни один урок не идет на пользу. Так что – будем меня ловить или сказку слушать?

Рычание стихло. Феликс ждал, играя в пальцах флейтой-неслышкой. И когда из-за угла полилось пламя факелов, и доблестные стражи порядка уже готовы были хватать, вязать, извиняться, отпускать (поскольку все-таки рерия, а не бычий хвост) – словом, делать много шума и тратить много чужого времени -...

... Феликса не стало.

Мерцающий жар огней вылился на площадь. Боевые ма-

ги метнулись по углам... взгляд зацепился за груды земли... пальму... белые лужи... разбитые кокосы?

– Господин Дзендар?! – проревел плечистый геомант. – Вы в порядке?!

– Да, – сдавленно донеслось из башни. – Пальма, зараза... Убью всех...

Маги облегченно вздохнули. Похоже, архимаг все-таки нашел, на чем сорваться. Это было просто замечательно, потому что проблема, с которой глава Зеленой башни разбирался с самого утра, стояла насмерть и сдаваться не собиралась. И если эту проблему не решить в течение следующего дня, Утранту будет очень плохо. Потому что архимаг, доведенный до белого каления, – не тот кошмар, о котором можно забыть, проснувшись.

– Айда отсюда, – тихонько произнес геомант, делая отмашку. – Ни в коем случае нельзя мешать. Пятый знает, что за деревня эта Загрошта. То одно, то другое. Проклятое место, вот что.

– Кофе на столе, – хмуро бросил Дзендар, плюхаясь в угол на горку тюфяков.

Феликс потянул носом. Кофе был нехорош. Он укоризненно взглянул на мага, поймал ответный взгляд. Вздохнул – и маска шута спала с лица «врача-на-два-города».

– Я начинающий чародей, – сказал Феликс. – Там, конечно, не надо быть семи пядей... Катаклизм. Там сейчас вооб-

ще ничего не должно существовать. А Загрошта спит и видит сны. И пролен Снаух тоже спит... накачался, бедняга, со страху. И эти... спят. И все живы, и ни пожаров, ни разверстой пасти Пятого, ни восставших мертвецов – ничего.

– Это я и так знаю, – лицо архимага изобразило высшую степень отвращения. – Что-нибудь новенькое хотелось бы.

– Новенькое, – Феликс улыбнулся. – За новенькое, дружок, заплатить придется.

Дзендар наклонил голову набок. Изучающе взглянул на рерию. Казалось, еще мгновение – ну, два, – и Утрант лишится правителя.

Трудно править городом, будучи толстой бородавчатой жабой.

– Ладно, – вздохнул Феликс. – Только для тебя, имей в виду. Эх, Дзе, ну кто тебе еще сделает такой подарок?

Верховный рерия осторожно опустил руку в карман плаща – она вошла едва ли не по локоть. Дзендар сощурился, подался вперед, пальцы дрогнули... и на некрашенный обеденный стол, прямо в тарелку с куриными костями, легло полупрозрачное голубоватое яйцо.

– Быть не может, – голос архимага прервался.

– Может, может, – хитро улыбнулся рерия. – Ну, как тебе? А?

– Обалдеть, – пробормотал Дзендар. – Я так не умею. Неужели сам?

Он навис над тарелкой – останки героически погибшей

птицы дрогнули и растворились в полумраке – подсвечник вспыхнул с утроенной силой, и нити магии закачались над странным предметом, складываясь в холодную безупречность колдовской системы.

– Каурр умел творить «призрачные панцири», – пробормотал архимаг. – Но... не так изящно. Поразительно. Пятый тебя побери, Феликс, не будь ты рерией, я... ладно. Полагаю, внутри... оно?

Рерия сумрачно кивнул.

– Он уже успокоился, – складки плаща прошелестели, рука остановилась над кофейником – вернулась обратно: невкусно. – «Панцирь» надолго его обескровил. Да он и сам выложился на полную катушку. Можешь открыть, сейчас он не опаснее дохлой крысы.

– Угу, – угрюмо кивнул Дзендар. – Тиф, столбняк, инфекции... Умеешь ты подбирать слова, хоть вслед за пальмой из окна прыгай. Вот ведь наворотил-то... сколько слоев?

– Четыре основных и два поглощающих. Осторожно, там...

Тихий сухой треск разорвал пространство. Подсвечник погас, все окуталось тьмой. Протекли долгие две секунды – и, наконец, раздался насмешливый голос Дзендара:

– Это был сюрприз для меня?

Чиркнуло огниво – самое обыкновенное – и из чернильной мглы вынырнуло сконфуженное лицо рерии.

– Извини, Дзе, – сказал он. – Нет, это не... Просто он все-

таким образом восстановил часть...

– Ясно уж. И что здесь у нас?

Огонек придвинулся ближе, и архимаг наконец-то смог разглядеть предмет, лежавший у него на ладони.

Слабо колыхались разорванные нити «панциря» – силились сойтись, не могли – и умирали одна за другой. Волновой переплет, высшая степень артефакторики, невероятное искусство печатей... А в окружении мерцающих колдовских волос лежал тяжелый золотой перстень. Неправдоподобно тонкий хват, непропорционально массивное ложе, плетенка-сеточка на боках... и крупный зеленый камень хрустальной прозрачности.

Камень, расколотый надвое.

Потекли мгновения – тенями в углах, затихающим собачьим брехом за окнами, яркостью звезд в зените... Шевельнулись складки плаща – и одно короткое движение руки архимага остановило рерию. Мелкие белые зубы впились в нижнюю губу – до синевы: не мешай.

Казалось, прошла вечность, прежде чем в комнате возникло первое движение. Рука архимага разжалась; перстень со звоном упал в тарелку. Сжимая и разжимая кулак, Дзэн-дар встал и направился к двери. Уже выходя, словно вспомнив что-то, обернулся.

– Я буду тут, – поспешно сказал Феликс. – Страшный ты, да. Очень. Кофе захвати хорошего.

И еще одна вечность прошла, прежде чем из уст архимага

выпало короткое слово:

– Ладно.

– ... и, будучи недовольным указом короля, положением дел в стране и наглостью и беспринципностью архимага, начал искать ответы на те вопросы, которые не мог отвергнуть. То, что шло из его сердца, было стократ опаснее самого страшного оружия. Юный послушник Ордена Слез, неофициально исполняющего обязанности капитула магов при дворе, восстал против самой природы человечности. В архивах, куда он проникал силой своего ордена или с помощью тайных навыков, он искал подтверждение страшной теории, что зародилась в его смятенном разуме. Его вылазки в тайные хранилища не остались без внимания, но к тому времени, как было принято решение ограничить доступ... ты слушаешь меня, Феликс?

– Слушаю.

– Послушник скрылся. Найти его след не удалось; доподлинно известно, что беглеца видели в соседних городах, а позднее – на Белом Берегу. По-видимому, ему удалось докопаться до сути своей цели; во всяком случае, нападения на хранилища прекратились, но с тех пор, по свидетельствам чародеев Черносеребряной Земли, эфир всей страны начал переживать необратимые изменения. По словам знаменитого Тонья де Кампо, более всего ситуация напоминает реакцию организма на химически агрессивное инородное тело...

знаем, знаем, он в коллегии дознания служил два десятка лет, все старые привычки не идут из души. Феликс, ты слушаешь?

– Слушаю. Кофе хороший.

– Здесь больше ничего, только упоминание «Черных Святцев» четырнадцатой эпохи. Но я и так знаю, что там написано. Этого послушника звали Чайван Сотт. Он исследовал человеческие пороки. Феликс, он был первым, кто понял и принял то, как на самом деле устроен человек. У меня есть две его статьи... лучше их не читать. Дитя греха, средоточие мерзостей – вот что, по мнению сего мужа, есть двуногое разумное прямоходящее. Эфир... он решил бороться с этим. Теперь понимаешь? Он здесь, с нами. Он в этом перстне. О нет, он не просто заковал себя в камень. Он решил превратить себя в идеал. Великие боги... я представляю, как это больно, когда рушатся оковы! Сначала сдается плоть, осыпается порошком ненужная кровь, из груди вываливается окаменевшее сердце... Последним сдается мозг, но и ему суждено быть выброшенным на помойку. Хочешь стать совершенством, Феликс? Тело... а потом дух. Душа полосуется скальпелем, ты кричишь, вот отсечено равнодушие к чужим страданиям – вот оно, истекает твоей сущностью, оно было тобой, оно часть тебя, оно мертво, больше не твое, никогда не станет тобой – как ампутированная рука. Вот валяются отрезанные ненависть, раздражительность, гнев, себялюбие, похоть... торжество идеала, жалкий огрызок души... совер-

шенный, абсолютный огрызок!

Голос архимага оборвался. В полутьме послышалось бульканье, звякнул стакан. Тихо потрескивали свежие свечи в головах бронзовой змеи. Шевельнулись складки плаща – Феликс поболтал в жестяной кружке остывший кофе.

– Мир не принял его, да? – спросил он. И криво усмехнулся, словно уже услышал ответ.

– Он по-своему прав, – сквозь зубы произнес чародей. – Но... с тех пор он живет в образе перстня. Об этом колечке всего одно упоминание... и я нашел его через голову... сам понимаешь. Если наверху узнают, мне не жить. В общем, каждые двенадцать лет это совершенство во всех отношениях просыпается и отправляется вершить добрые дела: таков его уговор с мирозданием. Выбирает один из человеческих пороков... и начинается веселье. До сих пор проделки Чайвана Сотта удавалось скрыть – удастся и в этот раз. Меньше всего я хочу, чтобы эта грязь затопила Утрант. Не спрашивай: я знаю, о чем ты. Я уничтожу этот перстень – не беспокойся, я все сделаю аккуратно. Идеально, чтоб его.

– Я не о том, – возмущенно произнес рерия. – Что случилось с Загроштой? Я, конечно, гений, но...

– Ерунда случилась, – фыркнул Дзендар, и вдруг Феликс понял, что чародей едва сдерживается, чтобы не расхохотаться в голос. – Ты не поверишь... Знаешь, что он выбрал на этот раз?

– О, Шестеро, – вздохнул рерия. – Ну, конечно...

– Оправдание, – ликующе выговорил архимаг. – Оправдание, золотое мое! Восхитительно! Я не могу потребовать справедливой оплаты труда, потому что я пьяница, потому что я бедняк, потому что я слабая женщина... Бедняга Снаух... долго ему теперь отходить! Представляю, как у него тряслись поджилки, когда к нему заявили эти гении самоопределения! Не вчерашние рабы за горсть меди, а свободные люди, требующие справедливости и чести! Я слаб, беден – но это не оправдание!

В этот раз молчание было куда более тягостным. Потом Феликс спросил:

– Ты ведь его не уничтожишь, правда?

В полутьме рерии показалось, что на лице собеседника мелькнуло подобие улыбки. Потом Дзендар встал и осторожно выбрал перстень из тарелки. Подбросил, поймал, взгляделся в ночь за окном через прозелень граней...

– Он не боится смерти, Феликс, – произнес маг. – Он отпечатал себя в эфире Черносеребряной Земли. Уничтожим перстень – он вселится в костяной гребень, в кухонный нож. В кружку твою кофейную. Будешь пить свою гадость из души Чайвана Сотта. Хорошенькая перспектива? По мне, перстень лучше. Как он оказался в Загроште, разумеется, неизвестно. Кстати, где ты его нашел?

– Детишки продали.

– Что?! – подскочил архимаг.

– За дюжину серебра, – обиженно проговорил Феликс. –

Грабишь ты меня...

– Что с детьми?!

– Да ничего с ними не случилось, – Феликс вдруг улыбнулся так странно и необычно... Дзендар мог поклясться, что никогда прежде не видел такой улыбки на лице этого прохвоста. – Дзе, ну сам посуди: какие у малявок грехи? Они еще не понимают, что это такое: грешить по-взрослому. Это у нас душа черствеет... такую, наверное, и на куски можно, особенно под хороший раздрай. А этот Сотт – удивительный человек, правда?

– Правда.

– Так что будет с перстнем?

Дзендар подошел к окну, поднял руку – Феликс приподнялся, открыл было рот – и резко надел перстень себе на палец.

– Нет, – нервно сказал рерия. – Нет, нет, нет... Не может быть!

– Шучу. Я пошлю его в подарок.

– Что? Кому?!

– Королю, разумеется.

– Ко... ты... В смысле?

– Коты ни при чем. Я серьезно.

– Ты с ума сошел?!

– Ну, а куда еще девать эту побрякушку? Феликс, – Дзендар внезапно посерьезнел. – Знаешь, почему? Я могу объяснить, но...

– Понимаю, – угрюмо ответил гость. – Да уж, отпраздновать олуха перед тобой... Нет, извини. Не понимаю. Наверное, это от кофе. Объясни, пожалуйста.

– Объясняю, – Дзендар резко повернулся, полы его халаты взметнулись, ночной ветер рванул ткань – на мгновение чудовищная бабочка впечаталась в фон окна. – Я замкну контакт перстня на одного человека. Одного-единственного. Слепок души у меня есть...

– Дзендар!!

– Не ори. Снял на одном параде... давно дело было. Связка будет безупречна... Сотту это понравится. Видишь ли, у короля и ребенка слишком много общего, чтобы проводить между ними бездну. В масштабах деревни идеал вызвал кактаклизм – но что он он сделает в масштабах души короля?

– Конец света он вызовет, – буркнул Феликс. – Ладно, понял...

– То-то.

– Но ведь король не безгрешен?

– Именно, – тихо сказал Дзендар. – Настолько не безгрешен, что Сотту в кои-то веки будет очень весело. Я же сказал: много общего. Король и несмышленное дитя... два совершенства, два полюса. Это будет битва, которой насладится мир. Идеал против грязи. Разумеется, Его величество обо всем будет знать. Я позабочусь, чтобы он понял. Уверен, им обоим понравится.

Давно ушел Феликс, по привычке прихватив с собой кофейную кружку... догорели свечи, занялся рассвет. Белесый сумрак ползал по комнате, вглядывался в углы, искал остатки былых теней – а глава Зеленой башни все сидел за столом, сцепив руки – смотрел в глубину прозелени, думал...

И не пошевелился, когла из белесого сумрака возникла призрачная фигура.

– Я все понимаю, – задумчиво промолвила Риаленн, поправляя ночную рубашку, – но почему? Ты ведь с самого начала хотел отдать его мне, верно?

Дзендар не ответил.

– Я сейчас чувствую себя Феликсом, – пожаловалась богиня в пустоту. – Праздную олуха и ни Пятого не понимаю! Дзе, будь зайчиком: в чем дело? Ты обиделся? Я умру от непонимания и из меня прямо тут родится новая Вселенная! Оно тебе надо?

Архимаг тихонько рассмеялся.

– Потому и не отдал, – объяснил он. – Ты, конечно, почти безгрешна, а идеал сделал бы тебя мудрее, сильнее и благороднее в тысячу раз. Ты могла бы править многими мирами... Нет, я отдаю его королю не потому, что другой вариант проложил бы между нами бездну...

– Уже страшно, – поежилась Риаленн.

– В этом случае я просто поднимусь до твоего уровня, – строго взглянул на жену архимага. – Не в этом суть. Просто ты уже переросла стандартного человека, который нуждается в

костылях, чтобы идти. Тем более – короля. Ты – всего лишь очень удачное сочетание самых разных случайностей...

– Обалдеть.

– Поэтому изволь справляться со своими грехами и недостатками сама.

– Бяка, – констатировала богиня, – целуйся со своим королем. Пойду спать. Сочетание случайностей... припомню я тебе это сочетание! Пролену Снауху привет!

Дзендар сощурился вслед закрывшейся двери, улыбнулся. Подкинул перстень на ладони.

– Жалко, что ты всего один, – негромко сказал он. – Наклепать бы вас десятка три... закинуть куда ни попадя по всему миру... вот была бы заваруха! Но и так сойдет. Настоящее веселье только начинается, верно?

И ему показалось, что из глубины камня кто-то тихо смеется ему в ответ.

Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора.